

Ежегодник Японии. 2019. Т. 48. С. 56–76.

Yearbook Japan, 2019, vol. 48, pp. 56–76.

DOI: 10.24411/0235-8182-2019-10003

Вопросы исторической памяти в российско-японских отношениях*

Д.В. Стрельцов

Аннотация. Вопросы исторического прошлого по-разному проявляют себя во внешнеполитических механизмах и процессах России и Японии. В статье анализируется роль и место проблем исторического прошлого в формировании образа страны-партнера в общественном мнении и политическом руководстве двух стран. По мнению автора, образ Японии в послевоенном СССР не ассоциировался с «историческими обидами», так как послевоенное поколение советских людей уже не помнило о русско-японской войне, а японская интервенция в Сибирь и на Дальний Восток 1918–1922 годов не стала причиной негативного отношения к Японии на массовом уровне. К тому же считалось, что Япония, страдающая под пятой американцев, уже и так получила жестокий урок истории.

В настоящее время позиция России по единственной из нерешённых проблем исторического прошлого — проблемы линии границы, заключается в том, что решать её необходимо на основе Декларации 1956 года. Однако перспектива передачи Японии двух Южно-Курильских островов в соответствии с условиями указанной декларации не пользуется популярностью среди российских граждан.

Что касается Японии, в её общественном мнении преобладает отрицательное отношение к России, во многом связанное с оценкой её роли во Второй мировой войне как страны, совершившей в отношении Японии агрессивные действия и отторгнувшей от неё исконные территории. Ощущение себя жертвой в данном контексте создает японцам чувство психологического комфорта и позволяет ослабить чувство вины в связи с агрессивной политикой Японии в Азии в годы Второй мировой войны.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (грант № 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»).

Автор приходит к выводу о том, что Япония, осознавая те риски, которые таит в себе существенное ухудшение отношений с Россией в связи с различием позиций сторон по проблемам исторического прошлого, в перспективе не станет раздувать территориальную проблему и иные «исторические обиды», тем более что перспектив их урегулирования уже практически не проглядывается.

Ключевые слова: проблемы исторического прошлого, российско-японские отношения, Русско-японская война, японская интервенция в Сибирь и на Дальний Восток, территориальный вопрос, общественные настроения.

Автор: *Стрельцов Дмитрий Викторович*, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

E-mail: dmstrl@gmail.com

The issues of historical memory in Russo-Japanese relations*

D.V. Streltsov

Abstract. The issues of the historical past manifest themselves differently in the foreign policy mechanisms and processes of Russia and Japan. The article analyzes the role and place of the problems of the historical past in the formation of the image of the partner country in the public opinion and political leadership of the two countries. According to the author, the image of Japan in the postwar USSR was not associated with «historical grievances», as the postwar generation of Soviet people did not remember the Russian-Japanese war, and the Japanese intervention in Siberia and the Far East of 1918–1922 did not cause a negative attitude to Japan at the mass level. In addition, it was believed that Japan, suffering under the heel of Americans, had already received a cruel lesson in history.

Currently, Russia's position on the only unsolved problem of the historical past, the problem of the border line, is that it must be solved on the basis of the 1956 Declaration. However, the prospect of the transfer of the two South Kuril Islands to Japan in accordance with the terms of this Declaration is not popular among Russian citizens.

As for Japan, its public opinion is dominated by a negative attitude towards Russia, largely due to the assessment of its role in the World War II as a country

* This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017 “Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of East Asia and Russia. Lessons for Russia”).

that committed aggressive actions against Japan and alienated from it its ancestral territories. The feeling of being a victim in this context creates a sense of psychological comfort for the Japanese and allows them to alleviate their sense of guilt in connection with Japan's aggressive policy in Asia during the World War II.

The author comes to the conclusion that Japan, aware of the risks that are fraught with a significant deterioration in relations with Russia due to the different positions of the parties on the problems of the historical past, in the future will not inflate the territorial problem and other «historical grievances», especially since the prospects for their settlement are practically not palpable.

Keywords: problems of the historical past, Russian-Japanese relations, Russian-Japanese war, Japanese intervention in Siberia and the far East, territorial issue, public sentiment.

Author: *Streltsov Dmitry V.*, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), the MFA of Russia, Leading researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: dmstrl@gmail.com

Вопросы истории периодически возникают и в отношениях России с её дальневосточными соседями, дорастая в некоторых случаях до уровня крупных дипломатических проблем. Особенно это касается её связей с Японией, пожалуй, наиболее сложных и проблемных с точки зрения воздействия на них исторических и историко-политических факторов. Историческое знание о тех или иных событиях и действиях страны-партнера, а также его субъективная оценка являются неотъемлемой частью образа этой страны, формирующегося в политической элите и в общественном сознании в целом.

Между тем вопросы исторического прошлого по-разному проявляют себя во внешнеполитических механизмах и процессах двух стран. Например, в Японии в силу особенностей её политической системы политики находятся в гораздо более сильной зависимости от сложившихся в обществе стереотипов. Фактор популизма в мотивации политических решений, определяемый требованиями предвыборного цикла, особенно актуализируется в Японии в годы проведения всеобщих парламентских выборов, когда желание «понравиться» избирателям нередко превалирует над здравым смыслом и рациональным подходом к государственным интересам.

Что касается России, связь реальной политики с общественными настроениями носит здесь гораздо более опосредованный характер. В силу большей централизации власти и более персонализированного характера президентской внешней политики наиболее значимым в этом отношении становится то, какой образ Японии сложился у главы государства, у его личных советников, у руководителей внешнеполитических ведомств и иных представителей политического класса.

Однако есть и моменты, общие для двух стран. Как в Японии, так и в России укоренению стереотипов и предубеждений способствует школьная система преподавания национальной истории, нередко преподносящая многие исторические факты в соответствии с политической конъюнктурой, а иногда и в тенденциозном духе. Нельзя также не учитывать и влияние средств массовой информации, комментарии и выступления «лидеров общественного мнения» — экспертов по стране-партнеру, влиятельных учёных-политологов, ведущих различных ток-шоу и т.д., формирующие через СМИ видение обществом тех или иных вопросов двусторонних отношений.

Конечно, не следует преувеличивать роль общественного сознания в сфере реальной политики: механизмов явного и прямого воздействия общественного мнения на сферу принятия решений (например, когда они принимаются под непосредственным воздействием данных социологических служб) просто не существует. Кроме того, власти имеют возможность манипулировать общественным мнением с помощью средств массовой информации, регулируя настроения граждан, меняя сложившиеся стереотипы и установки в соответствии с политической конъюнктурой. Тем не менее, властная элита сама может пасть жертвой господствующих в обществе стереотипов, сформированных ею же в популистских целях: эти стереотипы становятся материальной силой и овладевают умами власть предержащих.

В целом историческая память в современную эпоху является мощным внешнеполитическим инструментарием, орудием в руках государств. Наличие у того или иного государства и его народа «исторических обид» нередко выступает критерием для оценки со стороны страны-партнёра степени той угрозы, которую она ощущает от этого государства [Pollmann 2016, p.308]. Цель настоящей

статьи — попытаться дать оценку того, как проявлялся фактор исторической памяти в советско-японских отношениях в послевоенный период и после окончания холодной войны.

Историческая память в советско/российско-японских отношениях: взгляд из Москвы

В послевоенном СССР Япония никак не ассоциировалась с нерешёнными проблемами истории или «историческими обидами». Послевоенное поколение советских людей уже не помнило о Русско-японской войне, которая, благодаря политическому просвещению масс, скорее была не более чем иллюстрацией кризиса царизма, борьбой империалистических хищников, но никак не священной войной за интересы великой страны. Что же касается японской интервенции в Сибирь и на Дальний Восток 1918–1922 гг., она всё же была эпизодом Гражданской войны, в результате которой окончательно сформировалось советское государство, поэтому нередко становилась объектом пропагандистской мифологии, целью которой было скорее героизировать Красную армию и партизанское движение, установивших Советскую власть, нежели подогреть ненависть к японским оккупантам.

И хотя это был единственный случай в истории двусторонних отношений, когда война шла на территории России, а оккупантами были японцы, в большинстве дидактических материалов советского времени, посвящённых интервенции на Дальнем Востоке, основной обличительный пафос направлен на белогвардейцев и белоказаков, которые по сравнению с японцами творили куда более страшные преступления против мирного населения, поддерживавшего красных.

Справедливости ради стоит сказать, что и японские карательные отряды оставили о себе недобрую память (достаточно вспомнить село Ивановка, в котором в результате карательной экспедиции японцев в марте 1919 г. погибли несколько сотен мирных жителей, в том числе женщины и дети. В 1995 г. японцами поставлен здесь памятник памяти жертв и покаяния японского народа за случившееся). Широкое хождение получила история о сжигании живьем в паровозной топке переданного японцами белоказакам красного партизана Лазо, не имевшая ничего общего с действительностью (на самом деле партизанский командир был расстрелян). Однако

миф этот оказался настолько живучим, что в 1972 г. в Уссурийске был установлен на постаменте с соответствующей табличкой якобы тот самый паровоз. Японцы также нередко представлялись в окarikатуренном виде — вспомним фильм «Волочаевские дни» (1937), где полковник Усидзима предстаёт слегка придурковатым. Претензии в отношении японцев были связаны в большей степени с хищнической эксплуатацией и вывозом ими природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока в период военной оккупации, с отказом возвращать «царское золото», чем с творившимися ими зверствами.

Что касается периода Второй мировой войны, конфликт с Японией был скоротечным и победоносным, продолжаясь менее трёх недель. Японские войска не нанесли крупного ущерба советским гражданам и советской экономике, так как все боевые действия шли за пределами СССР. Поскольку заявление Токио о принятии условий Потсдамской декларации последовало уже через неделю после объявления СССР 8 августа 1945 г. войны Японии, больших людских потерь, сопоставимых с потерями в Европе, эта война нашей стране не принесла. И хотя Сталин, выступая по радио в связи с капитуляцией Японии 2 сентября 1945 г., апеллировал к чувству исторической справедливости, аргументируя вступление СССР в войну с Японией не столько союзническими обязательствами, сколько нанесёнными ею «историческими обидами» (касающимися Русско-японской войны и интервенции и на Дальнем Востоке), «благородной ярости», не говоря о желании мстить, среди советских людей Япония не вызывала.

Сам же Сталин мыслил категориями глобального послевоенного мироустройства и не считал поверженную и оккупированную Японию достойной большого внимания в своих стратегических расчётах, оставив её в зоне влияния американцев. Солидарность с коммунистическим Китаем, основным союзником СССР в Азии, который не был приглашён на Сан-Францисскую конференцию в сентябре 1951 г., была основной причиной, по которой Москва решила не подписывать мирный договор с Японией. Полагая, что окончательную точку в спорах на Дальнем Востоке поставит лишь Третья мировая война, Сталин считал любой мирный договор с Японией временным.

Однако после смерти Сталина новое советское руководство провозгласило курс на мирное сосуществование, и вопрос об урегули-

ровании отношений с Японией вновь актуализировался. Советская политика по отношению к Японии в 1950-е годы строилась на постулате о необходимости «отрыва» Японии от союза с Америкой, превращения её в мирное и демократическое государство, с территории которого не исходит военной угрозы. Результатом этой политики явилось подписание Совместной советско-японской декларации 1956 года, в которой были зафиксированы условия мирного урегулирования. Стороны пришли к согласию о том, что не имеют никаких взаимных претензий по итогам прошедшей войны, а СССР отказывался от любых репарационных требований к Японии. С позиций Москвы это означало «прощение» Японии не только за милитаристскую политику 1930-х — 1940-х годов, но и за события более отдалённого исторического прошлого. Обещание Хрущева передать Японии два Южно-Курильских острова было фактически попыткой подкупить Токио, заставив его отказаться от союза с Соединёнными Штатами — попыткой, с самого начала обречённой на провал, так как к тому времени Токио уже окончательно определился в своём внешнеполитическом выборе.

«Прощение» Японии не вызывало внутри СССР какого-либо неприятия по той причине, что послевоенное поколение советских людей к тому времени уже смутно помнило об «исторических грехах» японцев, связанных с интервенцией на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг., не говоря уже о Русско-японской войне, а «прощать» их за преступления, совершённые на территории даже союзного Китая, было не так сложно. К тому же Китай с начала 1960-х годов стремительно перемещался из категории союзника в категорию злейшего врага и военного противника, а потому поддерживать его нападки на Японию было в тот период как минимум нелогично.

Свою роль играло и то, что еще в 1950-е годы Япония, разместившая в соответствии с Договором безопасности американские военные базы на своей территории, представлялась советской пропагандой как страна, оккупированная Соединёнными Штатами и наряду с прочими странами афро-азиатского мира решающая, в соответствии с постулатами ленинской теории, задачу своего национального освобождения. Стереотип о том, что Япония является страной-сателлитом, находящейся в прямой внешнеполитической зависимости от заокеанского партнёра, прочно закрепился в сознании целого поколения советских людей. Они считали,

что страдающая под пятой американцев Япония уже получила жестокий урок истории, а потому дополнительно «пинать» её за прошлое — примерно то же, что «бить лежачего», что в России считается большим грехом.

Когда же Япония в 1960-е годы вступила в период высоких темпов экономического роста и стала проявлять интерес к освоению природных богатств Сибири и Дальнего Востока, внесение в повестку дня двусторонних отношений, уже отягощённых территориальной проблемой, каких-либо претензий, связанных с историческим прошлым, стало бы сильным препятствием для налаживания экономического сотрудничества, в котором Москва была заинтересована не меньше Токио.

К тому же брежневскому СССР приходилось вести войну на два фронта — против Америки и против Китая. Когда в начале 1970-х появились первые признаки американо-китайского примирения, Москва, испугавшись закулисного сговора двух соперников на антисоветской основе, попыталась «окучивать» Японию, предложив ей два острова в обмен на дружественный нейтралитет (министр иностранных дел Громыко даже специально ездил для этого в Токио в январе 1972 года). И хотя инициатива Москвы не имела успеха, СССР, будучи заинтересованным в стабильных экономических отношениях с Японией, предпочитал без нужды не раздражать ее какими-либо нападками по поводу исторического прошлого, выдерживая при этом жёсткую позицию по территориальному вопросу.

Советская пропаганда уделяла мало внимания (во всяком случае, не создавала эмоционального накала) тем вопросам истории, которые будоражили азиатские народы, пострадавшие от японской агрессии. Это касалось вопроса репараций, проблемы учебников истории, особенно актуализировавшейся в начале 1980-х годов, визитов японских премьеров в храм Ясукуни (практика началась в 1985 г.). Что же касается японских территориальных претензий, эта тема была фактически табуирована как на уровне пропаганды, так и на уровне научных исследований, — считалось, что такой проблемы нет вообще, а её настойчивое продвижение Токио на повестку дня двусторонних отношений отражает лишь его реваншистские устремления и желание пересмотреть итоги Второй мировой войны.

Ящик Пандоры был открыт Горбачёвым только в 1991 г. Провозглашённое им «новое мышление» в числе прочего предполагало отказ от былых стереотипов и крайне самокритичное, если не сказать «мазохистское», видение собственной истории. Применительно к советско-японским отношениям это означало признание ряда несправедливостей, совершённых СССР в отношении Японии в период Второй мировой войны, в связи с чем необходимо строить двусторонние отношения «с чистого листа», не оглядываясь на тёмное прошлое. Действуя в духе «нового мышления», М.С. Горбачев признал наличие в двусторонних отношениях нерешённой проблемы принадлежности четырех Южно-Курильских островов, которые были названы поимённо в совместном заявлении, подписанном в ходе его визита в Токио в апреле 1991 г. После ухода Горбачёва эта линия была продолжена Б.Н. Ельциным, который выступил с официальными извинениями по поводу негуманного отношения к 600 тысячам японских военнопленных и сохранил линию на официальное признание проблемы принадлежности четырёх островов.

Ситуация качественно изменилась с начала 2000-х годов, когда президентом России стал В.В. Путин. Курс был взят на усиление идентичности России как победителя во Второй мировой войне, на акцентирование её статуса как страны-правопреемника СССР, который выступил одним из демиургов послевоенного мироустройства. Одновременно была концептуализирована ранее невнятно звучавшая позиция по поводу вступления СССР в войну против Японии — что это решение было принято на основе положений Устава ООН, направленных на скорейшее завершение войны и имевших правовой приоритет по отношению к любым договорным обязательствам стран-подписантов, включая и советско-японский Пакт о нейтралитете.

Позиция России по единственной из проблем исторического прошлого, оставшейся на повестке дня двусторонних отношений, — проблемы линии границы, стала заключаться в том, что решать её необходимо на основе Декларации 1956 года. Однако перспектива передачи Японии двух Южно-Курильских островов после подписания мирного договора, даже в соответствии с условиями указанной декларации, мягко говоря, не пользуется популярностью среди российских граждан, а её реализация, бесспорно, уда-

рила бы по авторитету российского президента и российской власти в целом. На этом фоне Москва устами министра иностранных дел С.В. Лаврова в качестве базового условия для обсуждения вопроса о выполнении условий декларации, касающихся передачи ей островов, выдвинула изначально неприемлемое для Японии условие — что та должна сперва официально признать итоги Второй мировой войны, по которым Южные Курилы перешли под суверенитет СССР. В июле 2019 г. в СМИ появилась информация, что Россия вообще отказывается вести на этот счёт с Японией какие-либо переговоры (в качестве причин называлось опасение, что на передаваемых островах могут быть размещены американские военные базы, а также неблагоприятные внутрисполитические последствия такого шага) [Japan Times 2019]. Таким образом, пограничная проблема как нерешаемый, но исключительно резонансный вопрос исторического прошлого, очевидно, будет ещё долго отравлять атмосферу двусторонних отношений.

Подход Японии к вопросам исторического прошлого в отношениях с Россией

В Японии имеется консервативная и прогрессивная традиции в подходе к её месту и роли во Второй мировой войне [Dien 2015, p. 363–377]. Консервативная традиция предполагает гламурный взгляд на собственную историю. Как полагают её сторонники, послевоенное японское государство является преемником довоенной императорской Японии, соответственно, не стоит огульно отрицать всё наследие довоенного времени, подведя под ним жирную черту, подобно тому, как послевоенная Германия полностью отмежевалась от своего нацистского прошлого. Эта традиция предполагает преуменьшение агрессивного характера действий японской военщины (так как в противном случае смерть сотен тысяч японских военнослужащих становилась бы бессмысленной) и возвеличивание жертв, понесённых военным поколением японцев ради славы нации и государства. Сторонники этой традиции утверждают, что японская политика военного времени была оборонительной, что продвижение (а не агрессия) Японии на материке была реакцией на политику «белого колониализма» и даже ставила себе целью освободить от него азиатские народы, что разговоры о япон-

ских преступлениях военного времени (Нанкинская резня, «отряд 731», «женщины для утешения» и т.д.) были как минимум преувеличены и лишены доказательных оснований и что сама Япония стала жертвой суда победителей над побеждёнными [Rothermund 2011, p.14-15; Dian 2015, p.371]. Иными словами, вина страны заключается не в каких-то особых «преступлениях», связанных с экспансионистской политикой, а лишь в том, что она проиграла войну.

Из этого вытекает, что несправедливы и юридические итоги Второй мировой войны, зафиксированные без участия Японии и без учёта её интересов. Среди значительной части политического руководства страны, равно как и общественного мнения, распространена точка зрения о том, что основные условия послевоенного мироустройства, касающиеся договорённостей Сталина с союзниками относительно Японии, по которым СССР возвращал себе Южную часть Сахалина и получал Курилы в компенсацию за своё вступление в войну, являются проявлением территориального экспансионизма, противоречащего подписанной самими же союзниками Атлантической хартии (где говорится о том, что страны, её подписавшие, не стремятся к территориальным или другим приобретениям). Особый акцент при этом делается на то, что Ялтинские соглашения заключались тайно и без участия Японии, а значит, изначально к ней несправедливы.

Что касается Устава ООН, по которому Япония должна была признать все договорённости между союзниками, которые привели к окончанию Второй мировой войны, а также Сан-Францисского мирного договора, по которому Япония отказывалась от Курильских островов, то консерваторы оценивают признание этих документов как неизбежное зло, которое оправдывается лишь тем, что это позволило Японии вступить в ООН и стать полноценным членом международного сообщества. Вместе с тем многие в Японии не считают Ялтинско-Потсдамскую систему «священной коровой» и указывают на то, что многие её элементы утрачивают свое значение в современном мире и потому нуждаются в модификации.

В свою очередь, сторонники прогрессивной традиции в своей риторике акцентируют страдания в ходе войны простых японцев, ставших жертвами милитаристской элиты. По их мнению, гражданское население понесло колоссальные потери от войны, в том числе атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Прогрес-

сивная традиция делает упор на пацифизм, на протест против антиядерного оружия, распространившегося в мире после войны. Следует отметить, что «прогрессисты» считают жертвами милитаристского режима в первую очередь самих рядовых японцев, а не другие народы Азии, а потому не находят нужным каяться, испытывая перед этими народами коллективное чувство вины [Dien 2015, p.369]. Однако по вопросу о «северных территориях» «прогрессисты» занимают солидарную с консерваторами позицию, хотя упор делается не на несправедливость Ялтинских соглашений и не на советский «территориальный экспансионизм», а на гуманитарную составляющую проблемы — на страдания бывших жителей Курильских островов, которые в 1945–1947 гг. были насильственно переселены на основную территорию Японии и прожили свою жизнь в изгнании, на трудности, которые испытывают их потомки, лишённые права свободного посещения могил и т.д.

Следующий вопрос заключается в том, каким образом эти две традиции проявляли себя в практическом курсе Японии по отношению к СССР/ постсоветской России?

В послевоенный период Япония придерживалась «доктрины Ёсида», согласно которой Япония должна во всём поддерживать США на мировой арене, сосредоточившись на целях мирного экономического развития. Япония сделала ставку на военно-политический союз с Америкой, с которой, как констатировал премьер-министр Накасонэ в 1983 г., Япония связана «единством судьбы». В основе такого подхода, помимо всего прочего, лежала «благодарность» США за спасение Японии от сталинской оккупации. Для послевоенной Японии Советский Союз был главным внешним врагом, который к тому же захватил и оккупировал часть её исконных территорий.

Основная часть однопартийного правления ЛДП пришлось на проамериканские и антисоветские кабинеты, усердно проводившие доктрину Ёсида в жизнь. Лишь Хатояма Итиро в 1955–1956 гг. и отчасти Танака Какуэй (в 1973 г.) пытались вести с СССР диалог, пренебрегая базовыми постулатами доктрины Ёсида. Однако эти попытки были неудачными — мирный договор между двумя странами за несколько послевоенных десятилетий так и не был подписан, а политический диалог фактически заморожен, хотя официальные отношения были восстановлены еще в 1956 г.

Провал усилий по налаживанию добрососедских отношений был в немалой степени связан с преобладанием на массовом уровне такого видения недавнего исторического прошлого, в котором Советский Союз предстал в демонизированном свете.

В той своей части, которая была связана с ролью СССР в минувшей войне, историческое образование японцев способствовало формированию у целого послевоенного поколения своего рода «комплекса виктимности» — ощущения себя жертвой советского экспансионизма. Японцев учили, что СССР вероломно напал на Японию, нарушив пакт о нейтралитете, действовал в последние дни войны как «вор на пожаре», захватив под шумок исконные японские земли (Южные Курилы), насильственно увёз в сибирский плен около 600 тыс. бывших японских военнослужащих, которые, в соответствии с условиями Потсдамской декларации, после официально объявленной императором Японии 15 августа капитуляции должны были быть возвращены «к родным очагам». Поскольку ни СССР, ни современная Россия так в должной мере и не «покаялись» за содеянное, японцы считают её «недружественным» государством — положительный ответ на вопрос, относится ли респондент «с симпатией» к России, почти никогда не превышал 20 %, за исключением короткого периода «горбимании» (популярности СССР эпохи Горбачёва) конца 1980-х — начала 1990-х годов [Чугров 2016, с. 52].

Это, в свою очередь, создавало японцам чувство психологического комфорта — быть коллективной жертвой всегда приятнее, чем коллективным агрессором. Апеллирование к «комплексу жертвы» со стороны политиков было беспроблемным ходом, ведь за ним стоял общенациональный консенсус. Например, с начала 1980-х годов, когда произошёл новый виток холодной войны, в стране по инициативе правящей партии развернулось массовое движение за возвращение «северных территорий» и был учреждён День северных территорий, в ходе которого премьер-министр под прицелом телекамер «инспектировал» Южные Курилы, рассматривая их в бинокль с борта пограничного катера. Около 84 млн японцев (более 80 % взрослого населения страны) поставили к 2014 г. свои подписи под петицией за возвращение «северных территорий» [Brown 2016, p.81]. Это в немалой степени способствовало повышению рейтингов правящей партии.

С начала 1990-х годов Япония, вторая экономика мира, стала проявлять устремления к роли мирового политического лидера. Она начала активно претендовать на место постоянного члена в СБ ООН и выступать за пересмотр Устава ООН, в котором содержится тезис о «вражеских государствах». В выступлениях политических руководителей страны зазвучал тезис о необходимости «подвести черту» под своим послевоенным прошлым и стать «ответственной» державой, «обычной страной», не отягощённой никакими пацифистскими ограничениями. В политическую повестку дня был поставлен вопрос о пересмотре мирной конституции.

В качестве аргумента в пользу «подведения черты», помимо усилившихся в мире экономических и международно-политических позиций Японии, приводятся качественные сдвиги во всей послевоенной системе мирового порядка, происшедшие после окончания холодной войны: распад биполярного мира, развал СССР, крах социалистической системы, расширение НАТО на Восток, прецеденты, связанные с изменением границ государств, в том числе и в Европе. Согласно этой логике, политика «подведения черты» под послевоенным прошлым, помимо внутренних аспектов, связанных с отказом Японии от послевоенного пацифистского наследия и её превращением в полноценную военную державу, по сути, предполагает признание необходимости внесения в международные нормы и правила, основанные на договоренностях между союзниками во Второй мировой войне, определённых корректив в соответствии со сложившимися реальностями.

Этой линии немало способствовали качественные изменения в японской внутренней политике, происшедшие после окончания холодной войны. Смена поколений привела к существенному поправлению электоральных слоёв, усилению националистических взглядов в японском обществе, запросу на проведение проактивной внешней политики, нацеленной на защиту национальных интересов страны с помощью не только экономических, но и военных рычагов. С начала 2000-х годов во власти закрепляется «антиосновное течение» ЛДП, традиционно делающее упор на собственных (т.е. отличающихся от американских), внешнеполитических интересах страны. Наиболее представительными кабинетами, выражающими эту тенденцию, стали правительства Дз. Коидзуми в 2001–2006 гг. и С. Абэ в период с 2012 г. по настоящее время.

По отношению к России эта традиция проявила себя неоднозначно. Первый всплеск надежд на пересмотр послевоенной парадигмы мирового порядка относится к концу биполярного периода. С провозглашением горбачёвского «нового мышления» в Японии возникли надежды, что решительный отказ от сталинского наследия приведёт и к пересмотру позиции России о неизбежности итогов Второй мировой войны в японском контексте. В Японии считали, что Москва, действуя по канонам «нового мышления», должна будет среди прочих преступлений сталинского режима в отношении Японии, в числе которых называются негуманное отношение к японским военнопленным и «вероломное нарушение» ею Пакта о нейтралитете 1941 года, исправить допущенную ею несправедливость в виде аннексии Южно-Курильских островов и, соответственно, вернуть их Японии. В 1990-е годы этот аргумент нередко приводился японской стороной с целью побудить Россию пойти на уступки по территориальному вопросу.

По мере усиления напористости российской внешней политики, направленной на отстаивание своих национальных интересов, которое ассоциировалось с приходом в 2000 г. Путина на пост президента, среди части консервативного политического истеблишмента Японии, недовольного подчинённым положением Японии в системе военно-политического союза с Америкой, усилились симпатии к России как к естественному «противовесу» мировым гегемонам в лице США и Китая. Именно их выразителем в значительной степени выступает премьер-министр С.Абэ, являющийся сторонником активного укрепления отношений с Москвой и заключения с ней мирного договора на основе взаимного компромисса по территориальному вопросу. Однако эта компонента пользуется лишь ограниченной поддержкой как в руководстве, так и в низах правящей ЛДП. Скорее в партии преобладают те националистические слои, которые настроены антироссийски и считают, что Япония должна использовать политику «дожимания» России по территориальному вопросу. Некоторые из них считают, что по мере утраты своих экономических и политических позиций в мире Россия станет более «сговорчивой» по территориальному вопросу, а потому никакой готовности к компромиссу в духе «дипломатии Абэ» проявлять не следует, нужна только исключительно жёсткая позиция. Например, когда в мае 2019 г. из «Голубой книги по дип-

ломатии» 2019 года, издаваемой МИД Японии, было исключено положение о том, что «четыре острова принадлежат Японии» (это было сделано явно по настоянию внешнеполитических советников Абэ, с тем чтобы подобная оценка не сказалась негативно на ведущихся с Россией переговорах), из органов внешнеполитического планирования ЛДП, отражающих мнение партийной элиты, прозвучала в адрес этого решения резкая критика [Асахи симбун, 2019].

Следует отметить, что такие взгляды во многом отражают широкие общественные настроения. Россию японцы в массе своей по-прежнему считают «недружественным государством» — она остаётся в их глазах «красной», «советской» и крайне непредсказуемой. Примечательно, что негативные ассоциации, связанные с Россией, преобладают в Японии вне контекста, связанного с Крымом и украинскими событиями: они сформировались гораздо раньше, еще в период холодной войны, и обладают высокой степенью устойчивости, воспроизводя себя в новых поколениях. Показательным в этом отношении является то, что если после крымских событий в мире наблюдалось резкое ухудшение отношения к России, в Японии ничего подобного не произошло — оно изначально было очень плохим, таковым и осталось. Например, согласно опросу Pew Research Center, если в США в 2013 г. плохого мнения о России придерживалось 43 % граждан, то после событий на Украине в 2014 г. — 72 % респондентов, в Европе, соответственно, эти цифры составили 54 и 74 %. В Японии же ухудшение имиджа России составило лишь не очень значительные 5 % — с 64 до 69 % [Казаков 2015, с. 32].

С другой стороны, в Японии существенно сократилась прослойка симпатизантов России из числа бывших сторонников просоветски настроенных левых партий. В период биполярного мира электорат Социалистической партии, отчасти Партии демократического социализма и Коммунистической партии позитивно оценивал роль СССР во Второй мировой войне, полагая, что его вступление в войну ускорило заключение мира и позволило Японии избежать новых жертв. Пафос левых был направлен против американского империализма, который после войны втянул Японию в свою орбиту, заставив подписать союзный договор. Однако в середине 1990-х годов Социалистическая партия Японии, которая в своей внешнеполитической ориентации традиционно делала ставку на СССР, практически полностью ушла с политической арены.

Коммунистические идеи на массовом уровне утратили свою привлекательность среди части японского общества, и новая Россия мало чем могла похвастать в плане привлечения симпатий рядовых японцев. На этом фоне советофобские и русофобские настроения, связанные с территориальной проблемой, перестали «балансироваться» симпатиями в отношении постсоветской России среди электората левых партий, рассматривавших СССР в качестве идеала и естественной альтернативы капиталистической системе.

В то же время наиболее левая партия, Коммунистическая, изначально придерживалась наиболее «антисоветской» точки зрения на проблемы истории Второй мировой войны. Ее официальная позиция не признает легитимным переход Советскому Союзу не только Южных Курил, но и Южного Сахалина и всех Курильских островов, который оценивается в качестве акта политики территориального экспансионизма сталинского режима. А ведь именно эта партия после фактического исчезновения социалистов с политической арены страны в конце 1990-х годов стала одним из главных проводников прогрессистской традиции антимиитаризма.

В постбиполярный период левые и левоцентристские силы Японии стали относиться к России в контексте территориальной проблемы даже более прохладно, чем консервативная ЛДП. Например, именно при правлении левоцентристской Демократической партии Японии в ноябре 2009 г. на уровне МИД страны была принята официальная формулировка о «незаконно оккупированных территориях», вызвавшая кризис в двусторонних отношениях [Newsru.com 2009]. Мотивом ДПЯ, делавшей ставку на популизм, очевидно, было получение внутривнутриполитических дивидендов от использования России в качестве «боксерской груши».

Эта же традиция сохранилась и в партиях, ставших преемниками ДПЯ после её роспуска в 2017 г. накануне парламентских выборов, включая вторую по силе оппозиционную Конституционно-демократическую партию (КДП). Когда С. Абэ в ноябре 2018 г. предложил решать территориальный вопрос с Россией на основе Декларации 1956 года, с наиболее резкой критикой его позиции выступили именно представители КДП. Например, председатель КДП Ю. Эдано заявил в ноябре 2018 г., что Япония не должна отступать от линии на то, что ей в историческом и юридическом смыслах принадлежат все четыре острова [Bloomberg 2018]. Крити-

ковал Абэ за «неспособность выразить позицию» страны на переговорах с Россией и генеральный секретарь КДП Фукуяма Тэцуро [The Mainichi 2019]. А депутат той же партии К.Эда назвал частые поездки Абэ в Россию «дипломатией данничества» [Brown 2019].

Что касается самого Абэ, для него отношения с Россией имеют сильно выраженный внутривнутриполитический контекст, связанный с возможностью набрать дополнительные кредиты доверия со стороны избирателей, в повышении которых он нуждается на фоне внутривнутриполитических скандалов со своим участием. Даже осознавая бесперспективность решения проблемы «северных территорий», С. Абэ апеллирует к гуманитарной её составляющей, а именно — к необходимости облегчить страдания бывших островитян и их потомков, а его усилия в этом направлении транслируются при помощи медиа в образ заботливого отца нации.

Антироссийское общественное мнение в силу нерешённой проблемы границы всегда будет служить серьёзным ограничителем на пути развития политического диалога с Россией, и курс на развитие с Россией добрососедских отношений потребует от политического руководства страны существенной смелости. Между тем в Токио, очевидно, опасаются, что испорченные отношения с Россией и её внешнеполитическая изоляция чреваты риском её блокирования с Китаем, который в перспективе представляет гораздо большую проблему для национальной безопасности Японии, чем Россия. С одной стороны, российский военно-технический потенциал может способствовать существенному усилению китайской военной мощи. С другой стороны, тревогу в Токио вызывает перспектива формирования внешнеполитического альянса Пекина и Москвы на антияпонской основе, в рамках которого последняя станет активно поддерживать территориальные претензии Китая к Японии. Не случайно в Японии с большим алармизмом восприняли визит В.В. Путина в Китай в сентябре 2015 г. для участия в церемонии, посвященной 70-летию окончания Второй мировой войны, а, точнее, «победы китайского народа над японскими агрессорами» [Коммерсант 2015].

Именно подобная негативная мотивация в большей степени, чем прямые выгоды от развития двусторонних отношений, заставляет японское руководство уделять большое (хотя и не первоочередное) внимание российскому направлению своей дипломатии. Логично предположить, что, действуя в рамках политики «хеджирования

рисков», Токио не станет слишком сильно ссориться с Россией по пограничному вопросу и раздувать иные «исторические обиды», тем более что перспектив их урегулирования уже практически не проглядывается.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дружба двух площадей // Коммерсант. 31.08.2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2799924> (дата обращения: 05.08.2019).

Казаков О.И. Российско-японские отношения в 2014 году // Ежегодник Японии 2015. С. 20–35.

Правительство Японии окончательно объявило Южные Курилы «незаконно оккупированными» Россией // Newsru.com. 24.11.2009. URL: <https://www.newsru.com/world/24nov2009/kurily.html> (дата обращения: 05.08.2019).

Тити-но иси хикицугу абэ сюсё, хоппо рёдо акэцу-э сэйнэндзё: сэйкэн рэгаси [Премьер Абэ выполняет волю своего отца: оставить после своего правления решенную проблему «северных территорий»] // Bloomberg. 21.12.2018. URL: <https://www.bloomberg.co.jp/news/articles/2018-12-21/PJZAJ06JTSE801> (дата обращения: 05.08.2019).

Хоппо ёнто ва нихон-ни кидзоку»-но кисай сакудзё, дзимин-най-дэ хихан дзокусюцу : [В ЛДП растет критика по поводу вычеркивания положения о том, что «северные территории» принадлежат Японии] // Асахи симбун. 10.05.2019. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASM5B557ZM5BUTFK010.html> (дата обращения: 05.08.2019).

Чугров С.В. Образ России в Японии и образ Японии в России: Рабочая тетрадь 33/2016. М.: НП РСМД, 2016. URL: <https://russian-council.ru/common/upload/Russia-Japan-Paper33-ru.pdf>

Brown J. Abe's underperforming Russia policy faces growing political backlash // Eastasiaforum. 13.03.2019. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2019/03/13/abes-underperforming-russia-policy-faces-growing-political-backlash/> (дата обращения: 05.08.2019).

Brown J. Japan, Russia and their Territorial Dispute: The Northern Delusion. NY: Routledge, 2016.

Despite agreement, Russia rejects starting talks on territorial dispute due to Putin's flagging support rate // Japan Times. July 14, 2019. URL:

<https://www.japantimes.co.jp/news/2019/07/14/national/politics-diplomacy/despite-agreement-russia-rejects-starting-talks-territorial-dispute-due-putins-flagging-support-rate/> (дата обращения: 05.08.2019).

Dian M. Interpreting Japan's contested memory: Conservative and progressive traditions // *International Relations*. 2015. Vol. 29(3). P. 363–377.

PM Abe avoids describing Russian-held Northern Territories as inherently Japanese // *The Mainichi*. July 2, 2019. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20190202/p2a/00m/0na/023000c> (дата обращения: 05.08.2019).

Pollmann E. Japan's Security and Historical Revisionism: Explaining the Variation in Responses to and Impact of Textbook Controversies // *Journal of Asian Security and International Affairs*. 2016. Vol 3(3). P. 307–336. DOI: 10.1177/2347797016670704.

Rothermund, D. The Self-consciousness of Post-imperial Nations. A Cross-national Comparison // *India Quarterly*. 2011. Vol. 67(1). P. 1–18. DOI: 10.1177/097492841006700101

REFERENCES

Brown J. (2016). *Japan, Russia and their Territorial Dispute: The Northern Delusion*. N.-Y.: Routledge.

Brown J. (2019). 'Abe's underperforming Russia policy faces growing political backlash', *Eastasiaforum*, 13 March, URL: <https://www.eastasiaforum.org/2019/03/13/abes-underperforming-russia-policy-faces-growing-political-backlash/> (accessed: 5 August 2019)

Chichi-no ishi hikitsugu abe shusho, hoppo ryodo aketsu-e seinenjo: seiken regashi [Prime Minister Abe carries out the will of his father: to leave after his rule the solved problem of "Northern territories"], *Bloomberg*, December 21, 2018. URL: <https://www.bloomberg.co.jp/news/articles/2018-12-21/PJZAJ06JTSE801> (accessed: 5 August 2019) (in Japanese).

Chugrov S. (2016). *Obraz Rossii v Yaponii i obraz Yaponii v Rossii: Rabochaya tetrad'* [The image of Russia in Japan and the image of Japan in Russia: the working paper], Moscow: Russian Council for International Affairs. URL: <https://russiancouncil.ru/common/upload/Russia-Japan-Paper33-ru.pdf> (accessed: 5 August 2019) (In Russian).

Despite agreement, Russia rejects starting talks on territorial dispute due to Putin's flagging support rate, *Japan Times*, 14 July, 2019. URL:

<https://www.japantimes.co.jp/news/2019/07/14/national/politics-diplomacy/despite-agreement-russia-rejects-starting-talks-territorial-dispute-due-putins-flagging-support-rate/> (accessed: 5 August 2019)

Dian M. (2015). Interpreting Japan's contested memory: Conservative and progressive traditions, *International Relations*, 29(3): 363–377, DOI: 10.1177/0047117815600932 (accessed: 5 August 2019)

Druzhba dvukh ploshchadey [The friendship of two squares], *Kommersant*, August 31, 2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2799924> (accessed: 5 August 2019) (In Russian).

‘Hoppon yontou wa nihon-ni kizoku’ kisai sakujo, jimon-nai de hihan zokushutsu [Inside the LDP there is growing criticism over the deletion of the provision that the four ‘Northern territories’ islands belong to Japan], *Asahi shimbun*, May 10, 2019. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASM5B557ZM5BUTFK010.html> (accessed: 5 August 2019) (In Japanese).

Kazakov O. (2015). Rossiysko-yaponskiye otnosheniya v 2014 godu [Russo-Japanese relations in 2014], *Ezhegodnik Yaponiya*, 2015: 20-35. (In Russian).

PM Abe avoids describing Russian-held Northern Territories as inherently Japanese, *The Mainichi*, February 2, 2019. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20190202/p2a/00m/0na/023000c> (accessed: 5 August 2019).

Pollmann E. (2016). Japan's security and historical revisionism: explaining the variation in responses to and impact of textbook controversies', *Journal of Asian Security and International Affairs*. 3(3): 307–336. DOI: 10.1177/2347797016670704 (accessed: 5 August 2019)

Pravitel'stvo Yaponii okonchatel'no ob'yavilo Yuzhnyye Kurily «nezakonno okkupirovannymi» Rossiyye [Japan's government has finally declared South Kuriles as ‘illegally occupied by Russia’], *Newsru.com*, November 24, 2009. URL: <https://www.newsru.com/world/24nov2009/kurily.html> (accessed: 5 August 2019) (In Russian).

Rothermund (2011). The Self-consciousness of Post-imperial nations. A Cross-national Comparison, *India Quarterly*, 67(1): 1–18. DOI: 10.1177/097492841006700101